

К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОСТИ ПРИНУЖДЕНИЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье рассматривается ряд проблем, связанных с ограничением прав личности при производстве следственных действий в ходе проверки сообщения о преступлении. Принимая во внимание изменения и дополнения, внесенные в 2013–2014 гг. в ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ, наиболее актуальная проблема касается допустимости принуждения и его пределов применительно к участникам следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела. В этой связи основное внимание уделено рассмотрению вопроса относительно круга лиц, в отношении которых допустимо применение принуждения в случае их отказа от участия в производстве судебных экспертиз в отношении живых лиц (в частности, судебно-медицинской и судебно-психиатрической судебной экспертизы), получения образцов для сравнительного исследования и освидетельствования.

Ключевые слова: ограничение прав; проверка сообщения о преступлении; судебная экспертиза.

N. A. Danilova

*Doctor habil. (Law), Professor,
St. Petersburg Juridical Institute (branch),
Academy of General Prosecutor's Office*

T. G. Nikolaeva

*Doctor habil. (Law), Professor,
St. Petersburg Juridical Institute (branch),
Academy of General Prosecutor's Office*

ON QUESTION OF COERCION ADMISSIBILITY AT THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE

The article considers a number of problems connected with restriction of personal rights in the process of investigatory actions in checking the information about a crime. Taking into account the changes and amendments introduced in 2013–2014 into Art. 144 of the Criminal and Procedural Code of RF, the most topical problem refers to coercion admissibility and its limitations with regard to participants of investigation actions at the stage of initiating a criminal case. In this context, the major attention is given to considering the issue of the scope of persons to be subject to admissible use of coercion in case of their refusal to participate in performing expert juridical examinations in regard to living persons (in particular, medico-legal and legal-psychiatric forensic examination), in obtaining samples for comparative investigation and certification.

Keywords: restriction of rights; checking the message about a crime; judicial examination.

* Материалы статьи обсуждены на международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства» (ФГБОУ ВПО «БГУЭП», г. Иркутск, 25–26 сентября 2014 г.).

Право каждого на личную неприкосновенность гарантируется Основным законом РФ. Ограничение данного права допускается федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ¹). Исходя из данной конституционной нормы в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (УПК РФ) с целью защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, предусмотрена возможность производства следственных действий и применения мер принуждения, связанных с ограничением права граждан на личную неприкосновенность.

Вторжение в сферу прав и свобод человека и гражданина в процессе осуществления уголовно-процессуальной деятельности обусловлено наличием объективной необходимости обеспечения правозащитного назначения уголовного судопроизводства. Последнее, в свою очередь, сопряжено не только с защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, но и защитой личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Следует согласиться с мнением М. Н. Петренко относительно того, что «существует прямая зависимость между защитой прав и свобод человека и гражданина и государственного принуждения в уголовном судопроизводстве. Наличие второго обуславливает наличие первого, а уменьшение принуждения влечет уменьшение гарантий прав человека в такой особой сфере жизни общества, как уголовно-процессуальные правоотношения» [2].

Системный анализ норм уголовно-процессуального закона дает основание для вывода о том, что производство значительной части следственных действий сопряжено с существенным ограничением личных прав граждан. В этой связи не теряет актуальности вопрос, касающийся допустимости принуждения и его пределов применительно к участникам следственных действий, особенно на стадии возбуждения уголовного дела, когда уголовное преследование еще не осуществляется, а законодатель процессуальные возможности правоприменителей на данной стадии расширяет. Так, в соответствии со ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения и образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий, а лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы.

В связи с этим особую значимость приобретает вопрос относительно круга лиц, в отношении которых допустимо применение принуждения, в случае их отказа от участия в производстве судебных экспертиз в отношении живых лиц (в частности, судебно-медицинской и судебно-психиатрической), получения

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.

образцов для сравнительного исследования и освидетельствования. В первую очередь это обусловлено тем, что производство упомянутых процессуальных действий в подавляющем большинстве случаев сопряжено с вторжением в сферу личных прав и свобод не только лица, возможно, совершившего преступление, но и пострадавшего. Вследствие этого было бы весьма опрометчиво игнорировать возможность уклонения участников проверки сообщения о преступлении от проводимого на стадии возбуждения уголовного дела экспертного исследования, предоставления образцов для сравнительного исследования либо освидетельствования по самым разнообразным причинам. Если виновный (потенциальный подозреваемый), как правило, опасается изобличения в совершении им преступления, то потенциальный потерпевший (а равно и потенциальный свидетель) зачастую воспринимает эти процессуальные действия как унижительную процедуру, умаляющую его честь и достоинство. К этому следует добавить давление, нередко оказываемое со стороны виновного, его соучастников, близких, родственников либо знакомых.

Согласно ст. 28 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ судебная экспертиза в отношении живых лиц может производиться в добровольном или принудительном порядке. В первом случае в государственное судебно-экспертное учреждение должно быть представлено письменное согласие лица подвергнуться судебной экспертизе. Если лицо, в отношении которого назначена судебная экспертиза, не достигло 16-летнего возраста или признано судом недееспособным, письменное согласие на производство судебной экспертизы дается его законным представителем.

Наряду с этим недопустимо игнорировать тот факт, что круг лиц, которые могут быть направлены на судебную экспертизу в принудительном порядке, определяется уголовно-процессуальным законом. В случае отсутствия в УПК РФ прямого указания на возможность принудительного направления лица на судебную экспертизу, государственное судебно-экспертное учреждение не вправе производить экспертизу в отношении этого лица в принудительном порядке.

Однако применительно к производству судебной экспертизы уголовно-процессуальный закон упоминает термин «принудительный» лишь в ч. 5 ст. 56 УПК РФ, согласно которой свидетель не может быть принудительно подвергнут судебной экспертизе или освидетельствованию, за исключением случаев, предусмотренных ч. 1 ст. 179 УПК РФ. К таким случаям относится производство освидетельствования подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела (если для этого не требуется производство судебной экспертизы).

Учитывая отсутствие процессуального статуса у участников проверки сообщения о преступлении, возникает закономерный вопрос — допустима ли возможность применения к ним воздействия принудительного характера вне зависимости от мотивов их отказа при производстве судебной экспертизы? При этом нельзя не принимать во внимание, что в ряде случаев без проведения, например судебно-медицинской экспертизы, невозможно решение вопроса о возбуждении уголовного дела либо об отказе в таковом [3, с. 363–391].

Для ответа на этот вопрос представляется целесообразным обратиться к нормам Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»², в соответствии с которыми:

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ.

² Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ.

– медицинское вмешательство¹ — выполняемые медицинским работником по отношению к пациенту, затрагивающие физическое или психическое состояние человека и имеющие профилактическую, исследовательскую, диагностическую, лечебную, реабилитационную направленность виды медицинских обследований и (или) медицинских манипуляций, а также искусственное прерывание беременности (п. 5 ст. 2);

– медицинская экспертиза — проводимое в установленном порядке исследование, направленное на установление состояния здоровья гражданина, в целях определения его способности осуществлять трудовую или иную деятельность, а также установления причинно-следственной связи между воздействием каких-либо событий, факторов и состоянием здоровья гражданина (ч. 1 ст. 58);

– судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы являются одним из видов медицинских экспертиз, проводимых в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу (п. 4 ч. 2 ст. 58; ч. 1 ст. 62).

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что производство судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы является медицинским вмешательством, имеющим исследовательскую направленность и проводимом в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Однако целью процессуальных действий, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела, равно как и самой проверки сообщения о преступлении является установление наличия (отсутствия) признаков преступления. Кроме того, на этой стадии уголовного судопроизводства уголовного дела нет и быть не может. И наконец, буквальное толкование уголовно-процессуальных норм в системной связи с Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» дает основание для вывода о том, что действие ч. 9 ст. 20 упомянутого закона (согласно которой при проведении судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы допускается медицинское вмешательство без согласия гражданина, одного из родителей или иного законного представителя) на стадию возбуждения уголовного дела не распространяется. Равным образом, на эту стадию уголовного судопроизводства не распространяется действие п. 4 ч. 5 ст. 42 УПК РФ, в соответствии с которым потерпевший не вправе уклоняться от прохождения освидетельствования, от производства в отношении него судебной экспертизы (в случаях, когда не требуется его согласие) или от предоставления образцов для сравнительного исследования. Обоснованием нашей позиции служит тот факт, что решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 42 УПК РФ).

Не менее проблематичным представляется применение принуждения при производстве таких следственных действий, как получение образцов для сравнительного исследования и освидетельствование. Согласно ст. 9 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» образцы для сравнительного исследования — это объекты, отображающие свойства или особенности человека, животного, трупа, предмета, материала или вещества, а также другие образцы, необходимые эксперту для проведения исследований и дачи заключения. Образцы для сравнительного исследования могут быть получены у подозреваемого, обвиняемого, свидете-

¹ Перечень определенных видов медицинского вмешательства; утв. приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 23 апр. 2012 г. № 390н (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 5 мая 2012 г., регистрационный № 24082).

ля, потерпевшего, а также в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ иного физического лица или представителя юридического лица. Уголовно-процессуальным законом ограничен круг лиц, присутствие которых при получении образцов для сравнительного исследования является обязательным или допускается. Помимо следователя и лица, у которого изымаются образцы, в необходимых случаях их получение производится с участием специалиста (например, специалиста в области судебной медицины). Если получение образцов для сравнительного исследования является частью судебной экспертизы, то оно производится экспертом. И наконец, при получении образцов для сравнительного исследования не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь¹ и достоинство² (ст. 202 УПК РФ).

Что касается освидетельствования, то являясь разновидностью следственного осмотра оно, во-первых, проводится для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения (наркотического, алкогольного, токсического) или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство экспертизы. Во-вторых, освидетельствование, связанное с обнажением лица, должно проводиться следователем того же пола, что и освидетельствуемый. Если это невозможно, то данное следственное действие проводится врачом. При этом использование технических средств фиксации хода и результатов освидетельствования, связанного с обнажением освидетельствуемого, допустимо только при наличии согласия освидетельствуемого лица. Таким образом, применительно к стадии возбуждения уголовного дела необходимость в получении образцов для сравнительного исследования и освидетельствования находится в прямой зависимости от того, насколько результаты этих следственных действий обеспечат установление наличия (отсутствия) признаков преступления, и как следствие, законности и обоснованности решения о возбуждении уголовного дела либо отказа в его возбуждении.

Насколько же допустимо применение принуждения к упомянутым в ст. 202 УПК РФ иным физическим лицам и представителям юридических лиц, а равно к освидетельствуемым в случае их отказа от предоставления образцов для сравнительного исследования либо освидетельствования?

Принимая во внимание изложенное, крайне трудно представить не умаляющее честь и достоинство лица принудительное получение таких образцов для сравнительного исследования, как образцы крови, слюны, спермы, содержимого с поверхности половых органов, волос (с головы, лобка, других частей тела), подногтевого содержимого пальцев рук. Не менее сложно, на наш взгляд, производство освидетельствования в отношении лиц, вероисповедание и национальные традиции которых запрещают не только обнажение тела, но и снятие головного убора в присутствии лица другого пола, а также нахождение в помещении с лицами другого пола. Представляется, что в подобной ситуации не только производство освидетельствования, но и получение образцов для сравнительного исследования чревато весьма негативными последствиями.

¹ В юридической литературе понятие «честь», как правило, рассматривается через призму общественной оценки личности как определенная мера духовных, моральных и иных качеств человека. Иными словами, честь — категория объективная, представляющая собой оценку человека обществом и характеризующая его неопороченную репутацию, т. е. то, что «вызывает и поддерживает общее уважение и чувство гордости» [1, с. 869].

² В отличие от чести понятие «достоинство» скорее субъективного, нежели объективного характера. Оно определяется, прежде всего, не общественной оценкой личности, а ее собственным осознанием факта обладания определенными положительными качествами (моральными, нравственными, интеллектуальными).

Учитывая все перечисленное, полагаем целесообразным указать законодателью на необходимость согласования норм анализируемых федеральных законов в части регламентации принудительного направления лица для производства судебной экспертизы, в том числе и при проверке сообщения о преступлении. Одновременно законодателью необходимо предусмотреть четкую регламентацию как случаев ограничения прав и свобод при производстве процессуальных действий, так и оснований и условий такого ограничения.

Список использованной литературы

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М. : Сов. энцикл., 1968. — 900 с.
2. Петренко М. Н. К вопросу о смягчении принуждения в уголовном процессе / М. Н. Петренко // Современные научные исследования и инновации. — 2011. — № 6. — URL : <http://web.snauka.ru/issues/2011/10/3051>.
3. Смолькова И. В. Великие и выдающиеся, знаменитые и известные личности об уголовном судопроизводстве: хрестоматия. — М. : Юрлитинформ, 2012. — 688 с.

References

1. Ozhegov S. I. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1968. 900 p.
2. Petrenko M. N. On Problem of Reduction of Law Enforcement in Criminal Procedure. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii = Modern Scientific Research and Innovations*, 2011, no. 6. (In Russian). Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2011/10/3051>.
3. Smolkova I. V. *Velikie i vydayushchiesya, znamenitye i izvestnye lichnosti ob ugolovnom sudoproizvodstve: khrestomatiya* [Great and Outstanding, Famous and Known Persons about the Criminal Justice: Anthology]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 688 p.

Информация об авторах

Данилова Наталья Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, кафедра уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 191104, г. Санкт-Петербург, просп. Литейный, 44, e-mail: bobteyl@mail.ru.

Николаева Татьяна Геннадьевна — доктор юридических наук, профессор, кафедра уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 191104, г. Санкт-Петербург, просп. Литейный, 44, e-mail: niko.t@mail.ru.

Authors

Natalya A. Danilova — Doctor habil. (Law), Professor, Chair of Criminal Procedures and Criminalistics, St. Petersburg Juridical institute (branch), Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 44 Liteyny Prospekt., 191104, St. Petersburg, Russia; e-mail: bobteyl@mail.ru.

Tatyana G. Nikolaeva — Doctor habil. (Law), Professor, Chair of Criminal Procedures and Criminalistics, St. Petersburg Juridical institute (branch), Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 44 Liteyny Prospekt., 191104, St. Petersburg, Russia; e-mail: niko.t@mail.ru.